

Содержание

Самозванец Тома	3
Рыцари Круглого стола	99

Война началась в самом большом смятении. Это смятение не прекращалось ни на минуту, ибо война краткая могла дозреть и, так сказать, упасть с дерева, но война, по странным соображениям продленная — силой привязанная к ветке, — давала временные улучшения, которые были равно пробой и промахами.

Правительство бежало из Парижа, или — по наивной формулировке одного из своих членов — выехало в Бордо, чтобы организовать победу на реке Марне¹.

Победа эта, приписанная чуду, вполне объяснима. Для этого достаточно вспомнить школу. Чуть только обстоятельства мешают примерным ученикам слепо следовать намеченному плану, шалуны всегда берут над ними верх. А все же живая смута,

¹ Марнское сражение — крупное сражение между немецкими и англо-французскими войсками, состоявшееся 5-12 сентября 1914 г. на реке Марне в ходе Первой мировой войны, закончившееся поражением немецкой армии. В результате был сорван стратегический план наступления немецкой армии, ориентированный на быструю победу на Западном фронте и быстрое взятие Парижа.

взяв верх над устойчивым строем, не перестает быть смутой. Она покровительствует бессмыслице.

В еще спокойном Париже дочь одного из сановников Республики переоборудовала клинику доктора Верна под Красный Крест. Точнее, преобразовала она нижний этаж этого прекрасного, старинного отеля, расположенного на левом берегу, а остальное оставила штатским больным. В этом добром деле она проявила столько горячности, что охладить ее мог только отъезд правительства. Тогда, извинившись, она сообщила доктору, что вынуждена ехать с отцом, хоть и была уже достаточно взрослой, чтобы ему не повиноваться.

Итак, она уехала, оставив хирургам, добровольцам-санитарам и сестрам оборудованные палаты.

Доктор Верн был спиритуалистом. Свою многочисленную клиентуру он забросил, поручив первоклассным специалистам, прикомандированным к госпиталю.

Верн, которого подозревали в пьянстве, часть дня проводил в своем кабинете — бывшей комнате привратника, выходящей во двор, — и оттуда гипнотизировал больных.

— Хромайте, — внушал он одному, — кашляйте, — приказывал он другому.

Ничто так не занимало его, как эти нелепые явления. Однажды он исподтишка усыпил весь дом; пациенты, попавшие под его влияние, стали его жертвами. У больных он слыл оригиналом, но они и не подозревали о его мании. Обход он совершал каждый день, но только и делал, что просматривал записи о температуре да, переходя из

палаты в палату, бросал нескольких фраз, подобно официанту, переходящему от столика к столику.

Клиника Верна располагалась в бывшем отеле «Веселый» на улице Жакоб. Здание, поддерживаемое по бокам новыми пристройками, возвышалось посреди круглого двора с садом. Из открытых окон нижнего этажа были видны деревья, лужайка и цветочные клумбы. Так что хоть госпиталь и встречал больных мрачным фасадом, потом радовал зеленью сада.

В комнате, сохранившей деревянную отделку, но отлакированную согласно правилам гигиены, лежала дочь княгини де Борм. Девушка только что перенесла операцию по удалению аппендицита. Княгиня, не желая с ней расставаться, занимала соседнюю комнатку.

Мадам де Борм была одним из немногих представителей своего круга, кто остался в Париже после бегства правительства в Бордо. Втайне она радовалась, что у нее есть повод не покидать столицу. В захват Парижа она не верила. Не верила потому, что все верили. И, как случилось девять раз из десяти, благодаря своему строптивому уму оказалась права. Тем не менее ее считали по меньшей мере сумасшедшей. Накануне отъезда ее друг Пескель-Дюпор, редактор газеты «Жур», впустую умолявший ее отправить дочь в Бордо, даже бросил ей, что она остается из упрямства и что ей хочется насладиться дудками и флейтами, играющими марш Шуберта¹.

¹ То есть дожидаться вступления немцев в Париж.

Но ее истинные мотивы были другого рода.

Княгиня овдовела, будучи еще молодой: муж ее погиб в результате несчастного случая на охоте через два года после свадьбы. Родом она была из Польши — страны пианистов. И княгиня де Борм подчиняла себе жизнь, как виртуоз — рояль, и извлекала из всего такой же эффект, какой виртуоз извлекает как из музыки посредственной, так и из прекрасной.

Она считала своим долгом получать от жизни наслаждение.

Вот как эта изумительная женщина выражалась: «Я не люблю бедных. Я не выношу больных».

Ничего удивительного, что такие слова коробили.

Княгиня желала развлекаться. И умела развлекаться. В противоположность женщинам ее круга, она знала, что не вещи сами по себе доставляют удовольствие, а способы их восприятия. Такое отношение к жизни требует здравомыслия.

Княгине было за сорок. У нее были живые глаза и личико молоденькой девушки, которое немедленно темнело от скуки. Поэтому она и не любила скуки и искала повод к смеху, которого обычно женщины избегают, ведь от него появляются морщины.

Ее здоровье, жажда жизни, необычность нарядов и манер создали ей ужасную репутацию.

Тем не менее она была — сама чистота и благородство. Этого и не могли понять те, для кого благородство и чистота предметы священные, пользоваться коими — святотатство. Княгиня ими

пользовалась, утончала, придавала новый блеск. Она преобразовала добродетель, как элегантность преобразовывает чопорную одежду. Ее внутренняя красота была так естественна, что ее просто не замечали.

Ханжи судили о ней именно так, как безвкусно одевающиеся судят об элегантности.

Она родилась под звездой приключений. Ее беременная мать — обманутая, безумная от любви — пустилась на поиски любовника, исчезнувшего несколько месяцев назад. Она разыскала его в маленьком русском городке. Там у двери, за которой слышались голоса и куда она не решилась постучать, влюбленная скончалась от усталости и страданий, родив на свет девочку.

Эта девочка, Клеманс, росла под присмотром пьяницы-слуги. После смерти отца ее взяла на воспитание двоюродная тетка. И этот ребенок — молчаливый, пугливый, инстинктивно защищавшийся от прикосновений — вдруг расцвел, словно роза в руках фокусника.

После одного из балов тетка с удивлением заметила, какой яркой стала красота Клеманс. Она росла, распускалась, цвела телесно и духовно. Она стала подлинным чертенком и заводилой в кругу молодежи.

Наконец, встретив князя де Борма, приехавшего с дипломатической миссией, она обручилась с ним после четырех дней знакомства. Князь был околдован. Она же в нем видела Францию и столицу. Париж казался ей единственным театром, достойным ее дебюта.

После первого порыва искренности зритель замирает, испугавшись, что поддался очарованию. Сначала княгиня была в выигрыше от того изумления, каким встретил ее свет. Но постепенно она стала шокировать своей непосредственностью и неумелой светскостью.

Она касалась тем, которых нельзя было касаться, рассказывала о том, о чем не принято было говорить, и упрямо продолжала речь среди ледяного молчания. Каждый желал, чтобы она сломала себе шею.

Сперва развлекая, она стала раздражать. Она вошла в свет, словно молодой атлет, подошедший к карточному столу, смешавший колоду и заявивший, что пришло время играть в футбол.

Картежники (и старые, и молодые), оглушенные такой дерзостью, поднимались со своих кресел, но вскоре, досадуя, возвращались к игре.

Но если ее характер — яркий, выпуклый, красочный — оскорблял одних, других он очаровывал. И именно из этих немногочисленных других Монтескье выбрал бы себе судей.

Так, от безрассудства к безрассудству, княгиня де Борм отсеивала из своего круга посредственных и оставляла лучших.

Семь или восемь мужчин, две или три женщины стали ее близкими друзьями.

Остальные, побаиваясь князя, скрывали подлинные чувства, но после его смерти начали распускать коварные сплетни. Княгиня же увидела шанс показать свою силу. Она смеясь играла с ог-

нем и со своим верным штабом готовила ответные заговоры.

Ее упрекали в том, что она не носит траур. Но она не любила князя и не хотела играть роль безутешной вдовы.

Князь оставил ей дочь — Генриетту.

Генриетта унаследовала от отца то обожание, что охватывало его при виде мадам де Борм. Клеманс родилась актрисой; ее дочь — зрительницей, и любимым ее зрелищем была мать.

Впрочем, и впрямь было интересно наблюдать за человеком, притягивавшим к себе необыкновенное. Казалось, вокруг княгини летали ангелы, как птицы вокруг птицелова.

Если что-нибудь ее волновало, воздух вокруг становился тяжелым. А ее сияние чувствовалось на любом расстоянии.

Эта женщина, пренебрегшая своим положением в свете, хотела во всем быть лучшей. Но не всегда и не везде: в театре она желала быть зрителем, а не предметом внимания. Артисты ее любили.

Война сразу же представилась ей театром, доступным только для мужчин. Но она была не согласна оставаться в стороне от событий. Она чувствовала себя недопущенной к единственному зрелищу, которое отныне имело значение. Вот почему, и не думая жаловаться на обстоятельства, задерживающие ее в Париже, она благословляла происходящее и благодарила дочь.

В Париже не было войны, но, увы, она приближалась. И эта неустрашимая женщина слушала

пушки, словно оркестр, играющий за дверью, когда контролер не пускает в зал.

В этой страсти к войне княгиня не переходила границ нормального. Кровь и жар — головокружение боя быков — ее не привлекали. О них она думала с отвращением. В меру сил она жалела раненых.

Ее до безумия привлекали все новые веяния — глубокие или поверхностные. В эти дни в моде была опасность, и спокойствие ее угнетало. Она топала ногами, громя молодежь за бездействие, за мотовство и траты. Она жаждала, чтобы ее поддерживали, жаждала чувства единения, как бывает в толпе, смотрящей фейерверк.

Такие колоссальные чувства остаются вне понимания. Они кажутся подозрительными. Скупой свет обвинит вас в подделке, словно фальшивомонетчика.

Окружающие, захваченные манией шпионажа, обвиняли мадам де Борм в том, что она полька, что уже означало — шпионка.

На улице Жакоб ее любили. И она этим воспользовалась. Блестящий ум вскоре натолкнул ее на гениальный способ оказаться в гуще событий.

Первый этаж отеля был отдан под госпиталь, но тот пустовал, и у нее возникла мысль его заполнить. Дело заключалось в том, чтобы организовать транспорт, найти автомобили и шоферов, получить необходимые пропуски и забрать с фронта побольше раненых.

Она поманила доктора орденами — и он стал ее сообщником. Страхнула хлороформное оцепе-

нение с госпиталя спящей красавицы. Пробудила патриотизм в жене рентгенолога. Комната за комнатой, она приводила в движение огромный механизм.

Самое трудное дело — найти автомобили и шоферов. Но княгиня не унывала. Она верила, что всегда найдется немало людей, жаждущих почувствовать жизнь и вблизи увидеть смерть.

Наконец, она набрала одиннадцать машин, включая карету скорой помощи и свой лимузин.

И с одного взгляда нашла преимущества в творившейся неразберихе.

Это были годы, когда старую военную форму меняли на новую, которая была неузнаваемой — каждый одевался на свое усмотрение. Эта пестрота — смешная в городе — на фронте была великолепна: марш санкюлотов.

Княгиня представляла великую революционную победу как дорогу, усеянную бутылками шампанского, стульями и роялями. И не представляла себе шрамы, выбитые зубы, вздутые животы и одуряющие запахи смерти и то, что скоро охотники и дичь станут лицом к лицу, как сиамские близнецы, соединенные одной оболочкой грязи и отчаянья.

Она чувствовала победу, как лошадь конюшню. Она летела вслед за войсками. Она щеголяла в белой шляпе. Она тридцать раз на день выходила и возвращалась в комнату дочери — дать отчет в своих делах.

Парадный двор, поросший травой, был неузнаваем. Моторы пыхтели, машины сталкивались

одна с другой, шоферы кричали. Княгиня тащила за собой Верна, распределяла роли.

Наконец — как при знаменитом «отпускайте» полковника Ренара, сидевшего у камина рядом с принявшей за вязанье женой и пытавшегося запустить дирижабль, который все не хотел взлетать, поднимался на десять сантиметров и падал, — конвой не выдвинулся в назначенный час. Не хватало красного пропуска.

После своего визита в Дом Инвалидов¹, где она использовала все очарование, Мадам де Борм думала, что получила волшебный ключик, но оказалось, что это лишь билет до городка Жювизи.

Разочарование было тем сильнее, что колонне машин, которую на рассвете провожали под аплодисменты молочниц и служащих, предстояло воротиться той же дорогой и понуро въехать обратно три часа спустя.

Но импульс был дан. Ничто не могло его остановить. Княгиня снова начала активно действовать, а двор кипел, как паровой котел на заводе.

Иногда, как грибы между трещинами двора, появлялись странные личности. Буря войны породила свою фауну и флору, исчезнувшую, как только наступил мир.

Мадам Валиш была одним из таких порождений.

Увлеченная драмой по другим мотивам, чем княгиня, она предложила свои услуги медсестры.

¹ Во Дворце Инвалидов, построенном при Людовике XIV как общежитие для офицеров и солдат-инвалидов, находившихся на попечении государства, были размещены административные военные учреждения.

С собой она привела плохого дантиста, доктора Жантиля, которого выдавала за полевого хирурга.

Она была настолько же неприятна, вульгарна и хищна, насколько мадам де Борм прекрасна, благородна, самоотверженна. Эти женщины сошлись из любви к интригам. Но если одна интриговала ради собственного удовольствия, другая — из корысти. Мадам Валиш видела в неразберихе войны прекрасную мутную воду, из которой можно достать неплохой улов. Она любила доктора Жантиля и проталкивала его по службе. К этой цели она присоединила другое: болезненную страсть к зверствам.

Княгиня не отличала ее энтузиазма от своего. Но скоро она убедилась в их глубоком различии.

Мадам Валиш была вдовой полковника, умершего в Тонкине от лихорадки. Она всем рассказывала об этой смерти и о перипетиях с телом, которое везла во Францию. Гроб, плохо прилаженный к подъемному крану, в конце концов упал в воду. Она утешилась с дантистом. У него была черная борода, желтая кожа и блудливый взгляд.

Эта парочка носила одежды и шляпы полицейских. Мадам Валиш нашла себе и возлюбленному галуны. Она сопровождала Клеманс по кабинетам, где ее апломб и нарукавные повязки действовали как нельзя лучше.

Но несмотря на столько грации, с одной стороны, и столько лукавства — с другой, санитарный конвой так и оставался воображаемым, заставляя больных гадать о происходящем и придавая госпиталю вид министерства.

Однажды вечером шедший по улице молодой солдат увидел через широко распахнутые ворота этот шумный и тенистый двор. Солдат остановился, оперся на каменную тумбу и бросил на эту суету взгляд, коим Бонапарт, должно быть, озирает революционные клубы.

Поколебавшись, он вошел и смешался с группой шоферов.

Он казался совсем молодым, а форма придавала ему вид сына полка. Но что заставляло сомневаться в его молодости, так это галун унтер-офицера на голубом кителе. Лицо его, свежее, живое и с правильными чертами, служило ему вернее всякого удостоверения.

Уже через десять минут он помогал всем и знал все. Он знал даже, что накануне привезли генерала д'Анкура — единственного пациента первого этажа. Генерал был другом главного хирурга, и только благодаря этому госпиталь Бюффон уступил этого пациента. Генералу должны были ампутировать ногу. Он бредил. Хирург мало верил в благополучный исход.

Переходя от группы к группе, молодой солдат в конце концов наткнулся на доктора Верна, составлявшего с княгиней де Борм список членов их клуба.

— Кто вы? — спросил Верн, по обыкновению грубо.

— Гийом Томá де Фонтенуа.

— Родственник генерала де Фонтенуа?

В то время имя этого генерала было на слуху.

— Да, племянник.

Эффект от такого ответа был мгновенен, ибо доктор ни на минуту не терял из виду своего креста¹. Крест вел его, как звезда волхвов.

— Черт возьми! — вскричал он. — И вы — с нами?

— Я, — сказал молодой человек, — секретарь генерала д'Анкура. Он, увы, не нуждается в моих услугах, и я занимаюсь, чем могу, оставаясь поблизости.

— Само небо вас послало! — воскликнула княгиня. — Если генерала и спасут, он еще на несколько месяцев останется в постели. Я вас вербую. Я ваш генерал!

И, в то время как Верн чувствовал, как растут его шансы на крест, Клеманс представляла себе тысячи возможностей, что несет имя де Фонтенуа. Эта женщина, не замечавшая обмана в двух метрах, предвидела будущее. И в очередной раз не ошиблась.

Гийом Тома, несмотря на громкое имя, был самозванцем. Он не был племянником генерала де Фонтенуа и вообще с ним не стоял ни в каком родстве. Он родился в Фонтенуа близ Осера, где, как считают историки, Карл Лысый в 841 году одержал свою победу.

Когда началась война, ему было шестнадцать. Он злился и проклинал свой возраст. От дяди, капитана дальних плаваний, Гийом унаследовал страсть к приключениям. Он был сиротой и жил на Монмартре с теткой, набожной старой девой, позволявшей ему разгуливать где вздумается. Ее зани-

¹ Имеется в виду орден Почетного легиона.

мало лишь спасение собственной души, а о ближних она не заботилась.

Поняв, что ложь открывает путь к приключениям, Гийом набавил себе лет, сказал соседкам, что собирается поступить на службу, и что ему дадут специальное поручение, и в один прекрасный день явился в форме, которую взял у приятеля.

И в этой маскировке он болтался вокруг казарм и у ворот Дома Инвалидов.

Тетке он говорил, что ходит в школу стрелков. Вокруг было так смутно, так спутано, что можно было допустить все что угодно.

Мало-помалу с ним случилось то, что случается с детьми во время игр. Он поверил и прицепил галуны.

Никто его не остановил, и Гийом ничего не боялся. Он гордился, когда мирные жители смотрели ему вслед. Как-то один из патрульных увидел в его документах слово «Фонтенуа» и решил, что это имя — Тома де Фонтенуа. Он задал тот же вопрос, что и доктор Верн. Гийом ответил утвердительно, и с тех пор это имя стало частью игры.

Видите, к какому роду самозванцев принадлежал наш юный Гийом. О них надо сказать несколько слов.

Они наполовину живут воображением. Самозванство не унижает их, скорее — ставит выше. Гийом обманывал безо всякого лукавства. Дальнейшее покажет, что он обманул сам себя. Он воображал себя тем, кем не был, как ребенок представляет себя лошадью или кучером.